

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 116—136.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 116—136.

Научная статья

УДК 316.346.2-053.6(470+571)

EDN: <https://elibrary.ru/axzynf>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.8

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ РОССИЯНОК (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

*Инна Сергеевна Шаповалова, Елена Анатольевна Чернышева,
Ирина Сергеевна Заводян*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия, shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления жизненных стратегий молодых женщин как комплексной социологической проблемы в условиях трансформации ключевых социальных институтов, ценностного плюрализма и противоречия между традиционными и модернистскими гендерными моделями в современной России. Статья подготовлена на основе данных онлайн-опроса 5000 молодых респондентов (14—35 лет) Белгородской области в 2025 году. Методология включает сравнительный гендерный анализ обязательных жизненных диспозиций в рамках экономических, политических, общественных, матримониальных, карьерных, духовно-нравственных и самосохранительных стратегий. Основной вывод по результатам проведенного исследования заключается в том, что жизненные стратегии молодых россиянок не являются пассивными, но представляют собой рациональный адаптивный компромисс, формирующий модель «ограниченной агентности». Выявленные гендерные разрывы выступают не причиной, а следствием и механизмом воспроизводства структурных неравенств. Перспективы трансформации стратегий молодых женщин связаны с деструкцией институциональных барьеров и фундаментальной реформой гендерного порядка, направленной на выравнивание возможностей и обязательств.

Ключевые слова: молодые женщины, жизненные диспозиции, жизненные стратегии, гендерная стратификация

Для цитирования: Шаповалова И. С., Чернышева Е. А., Заводян И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. №1. С. 116—136.

Original article

LIFE STRATEGIES OF GIRLS AND YOUNG WOMEN IN RUSSIA (REGIONAL ASPECT)

Inna S. Shapovalova, Elena A. Chernysheva, Irina S. Zavodyan

Belgorod State National Research University, Belgorod,
Russian Federation, shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the need to understand the life strategies of young women as a complex sociological problem in the context of the transformation of key social institutions, value pluralism, and the contradiction between traditional and modernist gender models in contemporary Russia. The article is based on data from an online survey of 5,000 young respondents (aged 14—35) in the Belgorod region in 2025. The methodology includes a comparative gender analysis of mandatory life dispositions within the framework of economic, political, social, matrimonial, career, spiritual-moral, and self-preservation strategies. The results revealed the specificity of women's life strategies, characterized by rational adaptation to structural constraints: economic strategies are focused on risk minimization, sustainability, and social responsibility, with a lack of entrepreneurial and investment attitudes; in the political sphere, a strategy of distancing and minimalist conformism against a backdrop of deep gender asymmetry; in the social sphere, involvement mainly in executive, socially approved practices with limited attitudes towards institutional leadership; in the matrimonial sphere, there is a transition to strategic pragmatism, expressed in the calculation of the costs of having many children and a reduction in the orientation towards close intergenerational coalitions; In the spiritual and moral sphere, there is a strategy of moral autonomy and distancing from patriarchal institutions in favor of private self-development. In planning self-preservation behavior, there is a predominance of preventive practices with more modest expectations regarding life expectancy. The main conclusion from the results of the study is that the life strategies of young Russian women are not passive, but represent a rational adaptive compromise that forms a model of “limited agency”. The identified gender gaps are not the cause, but rather the consequence and mechanism of reproduction of structural inequalities. The prospects for transforming the strategies of young women are linked to the destruction of institutional barriers and fundamental reform of the gender order aimed at equalizing opportunities and obligations.

Key words: young women, life dispositions, life strategies, gender stratification

For citation: Shapovalova, I. S., Chernysheva, E. A., Zavodyan, I. S. (2026) Zhiznennye strategii molodykh rossiianok: (Regional'nyĭ aspekt) [Life strategies of girls and young women in Russia (Regional aspect)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 116—136.

Введение

Исследование жизненных стратегий молодых женщин в современной России представляет собой комплексную научную проблему, актуальность которой детерминирована совокупностью трансформационных процессов в ключевых сферах социальной жизни. Данная тема находится на пересечении фундаментальных социологических дискурсов о модернизации, социальной мобильности, гендерном порядке и конструировании индивидуальных траекторий в условиях неопределенности. Рассмотрение актуальности через призму различных сфер позволяет выявить многогранный эвристический потенциал исследования.

Чаще всего внимание к жизненным стратегиям молодых женщин привлечено в рамках изучения демографических проблем. Современная демографическая политика РФ, ориентированная на повышение рождаемости и укрепление института

семьи, вступает в сложное взаимодействие с меняющимися репродуктивными установками и жизненными календарями женщин. Изучение жизненных стратегий позволяет деконструировать гомогенизированный концепт «молодой матери», выявив спектр моделей: от стратегий раннего и многодетного материнства [Ростовская, Ситковский, 2025; Вишневецкий и др., 2024], поддерживаемых государственными мерами (материнский капитал), до стратегий отсрочки или сознательного отказа от деторождения в пользу образовательной и профессиональной самореализации [Ростовская, Васильева, 2024; Ростовская и др., 2025]. Анализ того, как в индивидуальных проектах совмещаются или конфликтуют репродуктивные, карьерные и личные планы, является ключом к пониманию реальной эффективности демографических мер и долгосрочных трендов воспроизводства населения [Шиняева, Каманина, 2024].

В научный дискурс по вопросам жизненных стратегий молодых россиянок включен и аспект рассмотрения социокультурной и гендерной сферы. Российское общество пребывает в состоянии ценностного плюрализма и конфликта гендерных моделей. С одной стороны, повышается влияние традиционалистской ориентации с акцентом на патриархальные роли женщины как хранительницы домашнего очага. С другой — под влиянием глобализации и цифровизации укореняется модель эгалитарных отношений и индивидуальных достижений. Молодые россиянки становятся «авангардом» этого противоречия и вынуждены конструировать свои стратегии в поле напряжения между «неотрадиционализмом» и «новой женственностью». Исследование в этой сфере становится инструментом анализа трансформации культурных кодов, механизмов легитимации выбора и формирования новых женских идентичностей в гибридном социальном пространстве [Ростовская, Синельников, 2025; Циткилов, 2025].

Немаловажной стороной исследовательской проблемы становится экономическая и профессиональная сфера. Несмотря на формально высокий уровень образования женщин (значительно превышающий мужской), на рынке труда сохраняются структурные ограничения: горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация, гендерный разрыв в оплате труда, «стеклянный потолок» [Емелина и др., 2024]. В условиях растущей прекарности и цифровизации занятости жизненные стратегии молодых женщин становятся индикатором адаптации к новым формам труда (фриланс, проектная работа) и одновременно — фактором, воспроизводящим или нивелирующим экономическое неравенство. Актуальным становится изучение стратегий совмещения занятости и семьи, выбора между ориентацией на высокооплачиваемую, но поглощающую время карьеру и поиском «удобной» работы, позволяющей выполнять семейные обязанности [Бочаров, 2020; Чернова, Шпаковская, 2020; Черных и др., 2023].

Нельзя оставить без внимания и политико-гражданскую сферу как элемент жизненных стратегий молодых женщин. Участие женщин в публичной политике и гражданских инициативах остается ограниченным, что ставит вопрос о включенности данной социально-демографической группы в процессы принятия решений. Исследование жизненных стратегий позволяет выявить степень и формы политической субъектности молодых россиянок: от стратегий сознательного избегания политики как «грязной» сферы до активного участия в низовых гражданских движениях (экологических, феминистских, урбанистических) и построения карьеры в системе

государственного управления, что позволяет оценить потенциал формирования нового поколения женского гражданского и политического активизма [Певная и др., 2025].

Миграционная и образовательная сферы, отраженные в жизненных стратегиях молодых женщин, безусловно добавляют весомую информацию в рассмотрение темы статьи. Для молодых женщин образовательная и трудовая миграция может быть стратегией преодоления локальных патриархальных ограничений и доступа к иным ресурсам [Ростовская, Давлетшина, 2024]. Исследование позволяет проанализировать, как гендерные аспекты взаимодействуют с миграционными решениями [Осадчая и др., 2023], как конструируются стратегии перехода в глобальные профессиональные и культурные потоки и каковы последствия этих процессов для регионов (интеллектуальное истощение/обогащение).

Таким образом, научно-теоретическая значимость исследований жизненных стратегий молодых россиянок заключается в интеграции концептов жизненных стратегий, гендерного порядка и институциональных трансформаций, что способствует развитию социологии личности, экономической социологии и гендерных исследований. Эмпирические данные позволят верифицировать и модифицировать существующие теории модернизации биографии, а также концептуализировать специфическую российскую модель конструирования женских жизненных траекторий в условиях «множественных современностей». Дополнительное значение в этой связи приобретает сравнительный гендерный анализ жизненных стратегий, позволяющий установить гендерные различия в установках и планах молодых женщин по отношению к мужчинам.

Материалы и методы

Жизненные стратегии молодежи и концептуализация их восприятия и исследования рассмотрены в работах Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова [Зубок, Чупров, 2020; Зубок, Чупров, 2019; Чупров и др., 2014]. Системная актуальность изучения жизненных стратегий молодежи подчеркивается авторами через идею о том, что «место жизненных стратегий в социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности» [Зубок, Чупров, 2020: 22]. Под жизненными стратегиями мы будем понимать систему жизненного планирования, обусловленную ценностными установками и определяющую горизонт жизненного выбора и решений, последующие модели поведения молодежи.

Стоит отметить, что жизненные стратегии молодежи изучаются достаточно широко, но не системно — исследователи рассматривают моностратегии, избегая комплексного описания жизненных планов, либо ограничиваются только небольшим набором стратегий для демонстрации исследовательской модели, например, взаимосвязи духовных, социальных и материальных стратегий [Журавлева и др., 2020], миграционных, матримониальных стратегий и стратегий самореализации [Халикова, 2022], семейных и карьерных стратегий [Гладкова, 2021]. В исследовательском научном дискурсе мы не нашли примеров исследования систем жизненного планирования и тем более вариантов сравнительного гендерного анализа стратегического жизненного выбора.

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Значения	Частота	%
Возраст респондентов, гг.		
14—15	547	10,9
16—17	1331	26,6
18—21	1720	34,4
22—25	641	12,8
26—30	334	6,7
31—35	427	8,5
Пол респондентов		
мужской	42,1	42,1
женский	57,9	57,9
Место проживания респондентов		
Крупный город — областной центр	1538	30,8
Небольшой город — районный центр	1666	33,3
Поселок, сельское поселение	1796	35,9
Распределение респондентов по группам занятости		
обучаются в школе, гимназии	1000	20,0
обучаются в колледже, училище	1000	20,0
обучаются в высшем учебном заведении	2000	40,0
работают	1000	20,0
Итого ответивших	5000	100,0

Материал статьи основан на данных мониторинга социальных стратегий региональной молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2025 года, респондентами онлайн-опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5000 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (см. табл. 1).

В рамках статьи авторы ограничиваются стратегическими диспозициями относительно жизненных планов по таким важным стратегиям, как экономическая, политическая, общественная, матримониальная, духовно-нравственная и самосохранительная. Данные рассматриваются в разрезе гендерного сравнительного анализа. Для сравнения используется значение показателя обязательного выбора на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?» (важное жизненное решение, цель по каждой из указанных стратегий, при отсутствии осуществления которой респонденты будут считать себя несостоявшимися в жизни; выборы «желательно» и «не обязательно» не анализируются).

Результаты исследования

Для реализации целей статьи необходимо провести сравнительный анализ основных стратегий региональной молодежи и зафиксировать существующие различия или отсутствие таковых, определить стратификационный потенциал гендерного признака относительно той или иной жизненной стратегии.

Экономические стратегии. Жизненное планирование в экономической сфере показывает, что у молодых россиянок формируется стратегическая модель, ориентированная на сочетание базовой экономической автономии и социально-ответственного консерватизма (табл. 2). Об этом свидетельствует структура приоритетов, связанная с доминированием стратегий обретения и сохранения базовых активов и сниженная ориентация на предпринимательский риск и инвестиции (план «Открытие бизнеса» присутствует у 24,6 % женщин против 36,4 % мужчин, план «Открытие инвестиционного счета» — у 28,8 % женщин против 40 % мужчин). Этот разрыв сигнализирует о действии глубоких структурных и культурных барьеров и может указывать на специфику экономического мышления и установок, связанных с ресурсными ограничениями (дефицит стартового капитала; более слабая экономическая поддержка в высокодоходных и рискованных сегментах экономики; символическое отчуждение (восприятие сферы инвестиций и предпринимательства как «мужских», где доминируют иные нормы коммуникации и принятия решений); оценка рисков.

Для молодых женщин российской провинции характерен и социально-ориентированный консерватизм, определяемый высокой значимостью «Помощи родителям» (74,5 %) и относительно (по сравнению с мужчинами) меньшей ориентацией на «Выход на пенсию с отказом от работы» (25,3 % против 34,6 %), что отражает инкорпорированную логику долгосрочной социальной ответственности и продолжающейся трудовой активности. Данный паттерн согласуется с традиционной гендерной ролью «смотрительницы», экстраполируемой и на старшее поколение.

Сравнение мужских и женских профилей позволяет говорить не просто о количественных различиях, а о качественно различных стратегических логиках в определении жизненных планов. Мужской профиль демонстрирует большую поляризованность, женский профиль отличается большей сфокусированностью на стратегиях минимизации рисков и обеспечения устойчивости. Приоритет отдается не столько максимизации дохода (план «Высокий заработок» у женщин несколько ниже — 62,6 % против 64,8 % у мужчин), сколько консервации и надежному размещению уже имеющихся или планируемых ресурсов (покупка жилья, накопления, депозит).

Таблица 2

Жизненные диспозиции и планы молодежи в экономических стратегиях, %

Обязательные планы в экономических стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Отказ от материальной помощи родителей	57,3	56,3	56,7
Покупка машины	61,7	56,8	58,9
Покупка квартиры	65,9	68,3	67,3
Открытие бизнеса	36,4	24,6	29,5
Помощь родителям	76,2	74,5	75,2
Выход на пенсию с отказом от работы	34,6	25,3	29,2
Наличие финансовых накоплений	67,1	68,5	67,9

Высокий заработок	64,8	62,6	63,5
Открытие депозитного счета	42,4	37,4	39,5
Открытие инвестиционного счета	40,0	28,8	33,5
Благотворительная деятельность	34,4	30,7	32,2

Политические стратегии. Данные о политических планах молодых россиянок раскрывают симптоматичную картину глубокой гендерной асимметрии в сфере формального политического участия. Политические стратегии, в отличие от экономических, демонстрируют не адаптацию к ограничениям, а преимущественно стратегию дистанцирования и периферийного, избирательного вовлечения. Это указывает на действие более жестких барьеров, лежащих в области символического порядка и институционального устройства политического поля. Характер политических стратегий молодых женщин может быть определен как «гражданственность без политики»: формирование модели сдержанной и инструментальной гражданственности, которой свойственны следующие черты:

— доминирование минималистской, ритуалистической модели участия: наиболее высокая доля планов связана с базовым электоральным поведением — «Участвовать в выборах, референдумах» (28,8 %) (табл. 3). Данная форма участия носит характер гражданской обязанности и социальной нормы, не требующей глубокой персональной вовлеченности в политическую конкурентную борьбу. Она отражает не столько политическую активность, сколько стратегию легитимного социального конформизма;

— структурное отчуждение от ядра политического поля: крайне низкие показатели по планам, связанным с прямым вхождением в политические институты и конкурентные практики, однозначно свидетельствуют о восприятии политики как закрытой, чуждой и/или нерелевантной сферы. Относительно более высокий процент намерений «Баллотироваться в мэры или губернаторы» (18,9 %), приближающийся к среднему, может косвенно указывать на большую понятность и потенциальную релевантность локального, «приземленного» уровня власти, связанного с решением конкретных проблем;

— избегание протестных и дискуссионных форм активности: низкий процент планов «Участвовать в протестных движениях» (12,9 %) и «Стать политически более активным» (18,6 %) подтверждает гипотезу о стратегии избегания конфликтного публичного пространства. Это согласуется с выявленной ранее в экономической сфере логикой минимизации рисков. Публичная политическая активность, особенно протестная, воспринимается как источник высоких социальных, репутационных, а иногда и правовых рисков, непропорционально высоких для женщин в условиях патриархальных установок, осуждающих «несдержанное» публичное поведение женщины.

Таблица 3

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
в политических стратегиях, %**

Обязательные планы в политических стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Стать политически более активным: разбираться в политике, участвовать в политических дискуссиях, следить за политическими новостями	29,1	18,6	23,1
Вступить или участвовать в работе политической партии	20,7	12,5	16,0

Активно участвовать в избирательных кампаниях в поддержку политических лидеров	26,1	17,6	21,1
Участвовать в выборах, референдумах	33,0	28,8	30,6
Участвовать в протестных движениях	21,5	12,9	16,5
Участвовать в качестве депутата в выборах	23,4	13,9	17,9
Баллотироваться в мэры или губернаторы	24,3	18,9	21,2

Сравнение мужских и женских профилей выявляет систематическое и значимое отставание по всем формам активного, преобразующего участия. Возможные причины рассогласования носят институциональный, культурно-символический и ресурсный характер, что связано с символическим отчуждением и гендерным гомеостазом политики (поле официальной политики в России остается маскулинизированным пространством); дифференциацией агентности и сфер ответственности; дефицитом женских ролевых моделей в политике и социального капитала для реализации карьеры в политической сфере.

Общественные стратегии. Данные об общественных диспозициях молодежи позволяют выявить специфическую гендерную конфигурацию участия в гражданском секторе. В отличие от политических стратегий, здесь наблюдается меньший уровень гендерного рассогласования, однако сама его структура указывает на воспроизводство традиционного разделения ролей и ограниченный характер женской институциональной субъектности в публичной сфере.

Паттерн общественных планов молодых россиянок свидетельствует о доминировании стратегии прагматичного, аполитичного альтруизма, реализуемого через проверенные, социально одобряемые и лично безопасные каналы. Наблюдается доминирование диффузных и личностно-ориентированных форм участия. Так, показатели по базовым формам неинституционализированной социальной активности — «волонтерство» (34,4 %) и «благотворительность» (32,8 %) — не только являются для женщин наиболее высокими, но и незначительно превышают мужские (табл. 4). Это подтверждает гипотезу о культурно-санкционированной модели женской гражданственности, которая легитимируется через этику заботы и непосредственную помощь. Данные практики воспринимаются как продолжение приватной роли «смотрительницы», экстраполируемой на социум, и несут минимальные социальные и репутационные риски.

Таблица 4

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
 в общественных стратегиях, %**

Обязательные планы в общественных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Заниматься волонтерской деятельностью	33,2	34,4	33,9
Основать или стать членом общественной организации	25,7	20,8	22,9
Заниматься благотворительностью	32,2	32,8	32,5
Предложить и реализовать какой-то социально-значимый проект	27,3	23,8	25,3
Заниматься социальным предпринимательством (для решения какой-либо социальной проблемы)	29,6	24,0	26,4

Для молодых женщин можно отметить и структурный дефицит планов по созданию и управлению общественными институтами: в точке перехода от личного участия к институциональному строительству и проектной гегемонии возникает отчетливый гендерный разрыв. Планы «Основать или стать членом общественной организации» (20,8 % у женщин против 25,7 % у мужчин) и, что еще более показательно, «Предложить и реализовать социально-значимый проект» (23,8 % против 27,3 %) демонстрируют ограничение женской агентности рамками исполнительской, а не учредительской или лидерской роли. Молодые женщины чаще видят себя участниками уже существующих структур, нежели их создательницами или идеологами.

Есть и определенная осторожность в отношении социального предпринимательства как гибридной практики, здесь фиксируется наиболее значительный гендерный разрыв. Эта сфера, требующая комбинации социальной миссии, управленческих компетенций и экономической предприимчивости, оказывается для молодых женщин наименее привлекательной, что указывает на действие тех же барьеров, что и в экономической сфере (недооценка предпринимательских навыков, боязнь риска), усиленных необходимостью легитимации в двух различных полях — общественном и рыночном. И в этой связи можно говорить о культурном сценарии «женского альтруизма», когда социально одобряемый путь для реализации женской гражданской позиции исторически и культурно связан с милосердием, помощью слабым, попечительством, что находит современное выражение в волонтерстве, а институциональное лидерство и предпринимательство остаются сферами, где доминируют маскулинные стереотипы.

Матримониальные стратегии. Анализ женских диспозиций позволяет диагностировать переход от безусловной нормативности к стратегическому прагматизму в семейной сфере, характеризующемуся отчетливым калькулированием издержек. Отмечается умеренная ориентация на легитимацию союза при сближении с мужскими показателями — так, план «Жениться/выйти замуж» поддерживают 60,6 % молодых женщин, что всего на 3 % меньше, чем среди мужчин (63,6 %). Это минимальный разрыв во всем массиве данных, что указывает на конвергенцию нормативных ожиданий относительно института брака. Однако эта конвергенция не отменяет, а, вероятно, сопровождает переосмысление его смысла: от безусловного социального императива к одному из возможных, но желательных вариантов партнерства.

Так, есть определенное структурное ограничение репродуктивных амбиций, что отражается в наиболее драматичных гендерных разрывах в репродуктивной сфере. Если планы иметь одного ребенка у молодых людей обоих полов практически идентичны (52,2 % vs 53,3 %), то намерение иметь двух детей разделяют уже на 6,1 % меньше женщин (30,1 % vs 36,2 %), а для трех и более разрыв достигает 8,5 и 10,2 % соответственно (табл. 5). Эта нелинейная дивергенция свидетельствует о том, что с ростом планируемого числа детей женщины начинают острее антиципировать совокупные издержки (физиологические, карьерные, эмоциональные, финансовые), которые в современной социальной структуре по-прежнему распределены крайне неравномерно и ложатся преимущественно на них. Модель 1—2 ребенка в семье становится компромиссной стратегией, позволяющей реализовать социальные и личные потребности в материнстве, не переходя порог субъективно неоправданных жертв.

Таблица 5

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
 в matrimониальных стратегиях, %**

Обязательные планы в matrimониальных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Жениться/выйти замуж	63,6	60,6	61,8
Иметь одного ребенка	53,3	52,2	52,7
Иметь двух детей	36,2	30,1	32,7
Иметь трех детей	22,0	13,5	17,1
Иметь более трех детей	20,8	10,6	14,9
Жить совместно со своими детьми в старости	22,0	10,6	15,4
Жить вместе с престарелыми родителями, в случае их болезни и немощи	44,7	37,4	40,5

Наблюдается и осторожность в отношении долгосрочных межпоколенческих обязательств: так, планы «Жить вместе с престарелыми родителями» (37,4 % vs 44,7 %) и особенно «Жить совместно со своими детьми в старости» (10,6 % vs 22 %) демонстрируют меньшую ориентацию женщин на модели тесной межпоколенческой кооперации. Это можно интерпретировать как стремление к автономизации жизненного цикла и отказ от воспроизводства традиционной патрилокальной модели, в рамках которой женщина исторически несла основное бремя ухода как за детьми, так и за престарелыми родственниками. Низкий показатель совместного проживания с детьми в старости (вдвое ниже мужского) особенно красноречив: он отражает не только изменение ожиданий от поддержки, но и потенциальное желание снизить собственную зависимость и нагрузку на будущих детей, особенно дочерей.

Такое рассогласование мужского и женского профиля в отношении matrimониальных жизненных стратегий может объясняться антиципацией гендерного дисбаланса в распределении бытовых обязанностей и домашнего труда; столкновением институциональных императивов, когда стратегии молодых женщин формируются в точке конфликта между модернистским императивом самореализации (включая профессиональную) и традиционным, подкрепляемым государством императивом материнства; экономической рациональностью и прекарностью (осознание экономических рисков, связанных с длительным выходом из трудовой деятельности, и потенциальной уязвимости в случае распада семьи заставляет женщин более осторожно подходить к многодетности как к фактору, многократно увеличивающему эти риски).

Карьерные стратегии. Анализ женских диспозиций позволяет выявить логику стратегии «обоснованных притязаний», где установки на успех и высокий доход эквивалентны мужским, однако конкретные формы их реализации смещены в сторону менее рискованных и менее конфликтных профессиональных ниш. Наблюдается приоритет статуса «высокооплачиваемого специалиста» над работой «по специальности»: показатель намерения стать высокооплачиваемым специалистом (61,9 %) является для женщин самым высоким и даже незначительно превышает мужской (60,7 %) (табл. 6). При этом план работать по специальности (40,4 %) заметно ниже, чем у мужчин (45,4 %). Это указывает на инструментальное отношение к образовательной квалификации и готовность к профессиональной мобильности в погоне за доходом, что опровергает стереотип о пассивной профессиональной ориентации. Успех измеряется не столько реализацией изначального профессионального выбора, сколько достижением высокого материального статуса.

Таблица 6

Жизненные диспозиции и планы молодежи
в карьерных стратегиях, %

Обязательные планы в карьерных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Работать по специальности	45,4	40,4	42,5
Стать высокооплачиваемым специалистом	60,7	61,9	61,4
Иметь собственный бизнес	42,5	33,5	37,3
Обучать людей в своей профессиональной области	39,3	34,7	36,6
Руководить структурным подразделением	41,1	31,0	35,3
Руководить организацией	41,1	31,7	35,6
Руководить корпорацией	39,5	28,0	32,9
Сделать успешную карьеру	54,5	55,4	55,0
Стать знаменитым в своей профессиональной сфере	43,8	39,2	41,1

Одновременно с этим есть структурный дефицит установок на формальное лидерство и предпринимательство (отраженный и в ранее рассмотренных экономических и общественных стратегиях) — наиболее значимые гендерные разрывы фиксируются в сфере властных позиций и экономической самостоятельности. Планы «Иметь собственный бизнес» (33,5 % у женщин против 42,5 % у мужчин), «Руководить структурным подразделением» (31 % против 41,1 %), «Руководить организацией» (31,7 % против 41,1 %) и, особенно, «Руководить корпорацией» (28 % против 39,5 %), демонстрируют прогрессивное увеличение гендерного разрыва по мере роста уровня и масштаба ответственности. Это свидетельствует о том, что карьерное пространство для молодых женщин структурировано невидимым «стеклянным потолком», который присутствует не только как объективное ограничение, но и как интериоризированная субъективная диспозиция, ограничивающая горизонт планирования.

Можно сказать, что фиксируется относительная ориентация на экспертную, а не административную или публичную карьеру: так, показатели планов «Обучать людей в своей области» (34,7 %) и «Стать знаменитым в профессиональной сфере» (39,2 %) демонстрируют меньший гендерный разрыв. Это отражает большую комфортность и легитимность для женщин карьерных моделей, основанных на компетентности, знаниях и авторитете эксперта, а не на формальной иерархической власти или публичной известности. Такая стратегия позволяет конвертировать образовательный капитал в статус, минимизируя риски, связанные с управленческой конкуренцией и публичностью.

Сравнительный анализ выявляет две различные карьерные парадигмы:

— мужской профиль характеризуется большей диверсификацией и «вертикальной» амбициозностью. Мужчины демонстрируют более равномерный интерес как к статусу специалиста, так и к позициям собственника и руководителя любого уровня. Их стратегия может быть описана как «недифференцированная гегемония» — установка на достижение доминирующих позиций в широком спектре профессиональных полей (от экспертизы до управления корпорацией);

— женский профиль отражает «селективную фокусировку». Пик установок приходится на достижение высокого материального статуса в качестве специалиста. При этом установки на вхождение в элитные круги управления и собственности выражены существенно слабее, формируя карьерную траекторию, которая может быть успешной, но с высокой вероятностью останется в коридоре «вице-президентского» или «ведущего экспертного» уровня, редко прорываясь к вершинам корпоративной или предпринимательской пирамиды.

Причины такого рассогласования карьерных планов могут быть связаны с наличием структурных барьеров, конфликтом временных режимов и ролевой перегрузкой для женщин, дефицитом женских ролевых моделей в карьере и различной социализацией к риску и конкуренции.

Духовно-нравственные стратегии. Анализ диспозиций позволяет интерпретировать позицию молодых женщин как стратегию моральной автономии и скепсиса по отношению к формализованным системам нравственного контроля. Стоит отметить относительный минимум установок на религиозную институционализацию: так, план «Повысить свою религиозную культуру, стать прихожанином церкви» имеет наименьшую поддержку среди женщин (29,1 %, разрыв с мужчинами — 9,2 %) (табл. 7). Столь же низок показатель «Ввести в религию своего ребенка» (29,1 %). Это свидетельствует о выраженном дистанцировании от религии как формализованной, институциональной практики, контролируемой традиционно патриархальными структурами. Духовные поиски, если они имеют место, с большей вероятностью выводятся в приватную, внеконфессиональную сферу или замещаются секулярными эквивалентами.

Таблица 7

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
 в духовно-нравственных стратегиях, %**

Обязательные планы в духовно-нравственных стратегиях	Муж- чины	Женщины	Общие данные
Повысить свою религиозную культуру, стать прихожанином церкви	38,3	29,1	33,0
Повысить свой культурный уровень	41,6	38,6	39,9
Стать примером нравственных поступков (возможно, даже героем)	40,4	32,1	35,6
Совершить какой-нибудь подвиг (например, гражданский или военный)	35,1	25,5	29,6
Помогать в контроле за нравственностью в нашем обществе (на территории проживания)	37,2	28,6	32,2
Ввести в религию своего ребенка	35,5	29,1	31,8

Сниженный интерес к публичной моральной миссии и героическим нарративам объясняет значительный разрыв в отношении планов, связанных с активной, преобразующей ролью в публичном нравственном пространстве. Эта указывает на неприятие модели «морального воина» или «публичного стража нравов». Для молодых женщин эта роль, по-видимому, ассоциируется с неподобающей публичностью, агрессивностью, а также с риском втягивания в чуждые идеологические и политические конфликты.

Приоритет личностного культурного развития над нормативным морализаторством подтверждается наиболее высоким показателем в системе жизненного

планирования — «Повысить свой культурный уровень» (38,6 %). Это подтверждает гипотезу о смещении акцента с внешней, нормативной морали на внутреннее, эстетическое и интеллектуальное саморазвитие. Культура в данном контексте выступает как альтернативный, более индивидуализированный и менее идеологизированный источник смыслов и идентичности, не требующий подчинения внешним авторитетам или публичной демонстрации лояльности.

Сравнительный профиль выявляет две различные гендерные парадигмы конструирования духовно-нравственной субъектности:

— мужской профиль отражает модель экстравертированной, институционально встроенной моральной агентности. Мужчины чаще демонстрируют готовность к публичному подтверждению своей нравственной позиции через формальные институты (церковь, общественный контроль), а также к героическим, жертвенным действиям в публичном пространстве. Эта модель согласуется с архетипом «защитника», «воина» или «морального лидера», чья добродетель должна быть публично удостоверена и институционально признана;

— женский профиль соответствует модели интровертированной, персонализированной этики. Нравственное совершенствование смещено в сферу приватного саморазвития (культура) и непосредственных межличностных отношений (где «пример поступков» может проявляться без публичной героизации). Публичные, институциональные и тем более героико-жертвенные формы морального действия воспринимаются как избыточные, рискованные и/или навязанные извне.

Можно выдвинуть гипотезы о причинах рассогласования духовно-нравственных гендерных парадигм. Во-первых, можно говорить о критике патриархального характера традиционных морально-религиозных институтов: церковь и риторика «общественной нравственности» часто воспринимаются молодыми женщинами как инструменты, исторически использовавшиеся для контроля над женским телом, сексуальностью и социальным поведением. Дистанцирование является формой сопротивления этому контролю. Во-вторых, для молодых женщин существует отторжение агрессивной и милитаризованной риторики в публичной сфере: концепты «подвига» и «героизма» в современном российском публичном дискурсе тесно связаны с военной и силовой риторикой, которая является глубоко маскулинной и часто отчуждающей для женщин. В-третьих, присутствует и отрицание двойных стандартов и репутационных рисков: активное участие женщины в публичном «контроле за нравственностью» или претензии на роль «героини» сопряжены с высокими репутационными рисками (обвинения в ханжестве, лицемерии, неженственности) и повышенным вниманием к ее собственной приватной жизни.

Самосохранительные стратегии. Анализ женских планов в отношении самосохранительного поведения выявляет структурированный подход к здоровью, основанный на избегании вредных практик и регулярной профилактике, однако лишенный выраженной веры в достижение экстремальных возрастных рубежей. Существует явное доминирование превентивных поведенческих паттернов над активной спортивной героикой. Так, молодые женщины чаще мужчин декларируют отказ от курения и употребления вредных веществ (66,4 % против 62,8 %) и несколько чаще планируют регулярную диспансеризацию (58,4 % против 55,4 %) (табл. 8). При этом они реже выбирают занятия спортом (62,4 % против 65,5 %) и существенно реже планируют стать спортивными волонтерами (36,7 % против 44 %). Это указывает на

приоритет «защитного» самосохранительного поведения над «наступательным». Стратегия фокусируется на минимизации известных рисков (вредные привычки, невыявленные болезни), а не на достижении пиковых физических кондиций или продвижении спорта как социальной ценности, что может восприниматься как маскулиная сфера.

Таблица 8

**Жизненные диспозиции и планы молодежи
в самосохранительных стратегиях, %**

Обязательные планы в самореализационных стратегиях	Мужчины	Женщины	Общие данные
Заниматься спортом	65,5	62,4	63,7
Не курить и не употреблять других вредных веществ	62,8	66,4	64,9
Не употреблять алкоголь (минимум употребления)	63,9	62,9	63,3
Придерживаться здорового питания	55,8	55,0	55,3
Посещать поликлинику и проходить диспансеризацию в целях профилактики заболеваний	55,4	58,4	57,1
Стать спортивным волонтером	44,0	36,7	39,8
Дожить до 70 лет	59,8	55,8	57,5
Дожить до 80 лет	53,3	47,8	50,1
Дожить до 90 лет	48,6	40,7	44,0
Дожить до 100 лет или более	46,5	36,2	40,5

Наблюдается снижение долгосрочных возрастных притязаний, которое подчеркивает гендерное рассогласование в планах на продолжительность жизни. Если разрыв в намерении дожить до 70 лет составляет 4 % (55,8 % у женщин против 59,8 % у мужчин), то для рубежа в 100 лет он достигает 10,3 % (36,2 % против 46,5 %). Эта нелинейная дивергенция свидетельствует о том, что молодые женщины рационально проецируют на свое будущее кумулятивный эффект гендерных неравенств. Более низкие ожидания могут быть связаны с осознанием большей физиологической и эмоциональной нагрузки, связанной с репродуктивной функцией, двойной занятостью, а также с большей вовлеченностью в уход за старшими поколениями, что позволяет им более трезво оценивать «цену» долгой жизни.

Отмечается и определенный прагматизм в отношении здорового образа жизни (ЗОЖ). Показатели по «здоровому питанию» и «минимуму алкоголя» практически идентичны у обоих полов. Однако для молодых женщин они встраиваются в общую логику профилактики и контроля, тогда как для мужчин могут иметь иные коннотации (например, поддержание работоспособности, внешнего вида).

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование и сравнительный анализ планов молодежи разных полов позволяет определить возможности и риски жизненных стратегий молодых женщин в пределах выделенных сфер.

Так, экономические стратегии молодых женщин позволяют выявить перспективы, связанные с консолидацией модели ответственного финансового субъекта, ориентированного на долгосрочную устойчивость (эта модель может стать основой для формирования нового типа экономической агентности, менее подверженного кризисам, связанным с рыночной конъюнктурой). Возможности жизненных установок и планов в экономической сфере лежат скорее в нише социального предпринимательства и малого бизнеса в сферах образования, экологии, креативных индустрий, где ценностные ориентации и социальная ответственность могут стать конкурентным преимуществом. Среди основных рисков стоит обозначить риск воспроизводства экономического неравенства и «ловушки осторожности», которая лишает женщин доступа к потенциально более высоким доходам. В целом, стратегии молодых россиянок в экономической сфере являются рациональным ответом на совокупность институциональных условий и нормативных ожиданий, формирующих их жизненный мир. Они отражают не пассивность, а адаптацию к структурным ограничениям, направленную на обеспечение безопасности и социальной ответственности. Однако эта адаптация сопряжена с системными рисками воспроизводства долгосрочного экономического неравенства, что требует от социальной политики не просто стимулирования женского предпринимательства, но комплексной работы по деконструкции институциональных барьеров и трансформации паттернов финансовой социализации.

Прогноз развития жизненных стратегий молодых женщин в политической сфере в текущих институциональных условиях видится в консервации выявленной модели. Молодые женщины останутся важным, но преимущественно пассивным электоральным ресурсом, их политическая субъектность будет реализовываться преимущественно в неполитических или субполитических формах (НКО, волонтерство, локальные инициативы, цифровой активизм по конкретным вопросам). Возможности для трансформации политических стратегий связаны с двумя факторами: наличие партиципаторного запроса на локальном уровне на решение конкретных проблем (благоустройство, экология, социальные услуги) в формате муниципальной политики и общественного контроля может мобилизовать женщин, чья практическая и коммуникативная компетентность в этих сферах высока; активная цифровизация публичной сферы, связанная с созданием альтернативных, менее формализованных и более безопасных каналов для высказывания и самоорганизации, потенциально позволяющих обходить традиционные институциональные барьеры. Но положительное воздействие данных факторов может быть нейтрализовано существующими рисками, связанными с маргинализацией женской политической агентности и политическим отчуждением.

Анализ общественных стратегий молодых женщин позволяет сделать вывод о том, что гражданский сектор в России будет продолжать опираться на женскую вовлеченность на уровне «исполнительного персонала» волонтерских и благотворительных практик, в то время как позиции учредителей, руководителей и идеологов останутся в значительной степени маскулинизированными. Возможности для трансформации данных стратегий могут быть связаны с профессионализацией некоммерческого сектора и развитием цифровых платформ гражданской активности. Ключевые риски носят характер воспроизводства социального порядка и связаны с гендерной сегрегацией в гражданском секторе, девальвацией «женского» участия и риском сужения женской гражданской субъектности. В целом общественные стратегии молодых россиянок демонстрируют амбивалентную картину включенной

исключенности. Поле общественной активности, оставаясь более открытым и привлекательным для женщин, нежели политическое, тем не менее воспроизводит гендерную иерархию, переводя традиционное разделение приватной и публичной сфер в новое качество: женщины как «сердце» гражданского общества, мужчины как его «институциональный скелет». Преодоление этого разделения требует целенаправленной работы по созданию поддерживающих инфраструктур, меняющих баланс ресурсов и рисков для молодых женщин, стремящихся к преобразующему институциональному лидерству.

Прогноз в отношении матримониальных жизненных стратегий связан с консервацией модели малодетной, рационализированной семьи как доминирующей жизненной стратегии молодых россиянок. Государственная политика, нацеленная на стимулирование рождаемости через материнский капитал, будет сталкиваться со «стеклянным потолком» в виде субъективных оценок неэкономических (в первую очередь временных и карьерных) издержек многодетности, которые не компенсируются разовыми выплатами. Возможности для смещения стратегий могут открыться лишь при условии глубокой трансформации институциональной среды, связанной с широким внедрением гибких форм занятости, доступной инфраструктуры раннего детства (ясли, детсады), а также культурных изменений, поощряющих активное отцовство. Ключевые риски существующих жизненных диспозиций молодых женщин носят макро- и микросоциальный характер и связаны с демографическим риском, риском ролевого конфликта и социального расслоения. Матримониальные и репродуктивные стратегии молодых россиянок представляют собой наиболее яркий пример того, как индивидуальный выбор становится точкой кристаллизации системных социальных противоречий. Выявленные диспозиции отражают не «эгоизм» или «кризис ценностей», а рациональную адаптацию к структуре неравных возможностей и обязанностей. Гендерный разрыв в планах на многодетность и долгосрочный уход является прямым индикатором сохраняющегося патриархального контракта, в котором декларативная ценность семьи не подкреплена справедливым распределением издержек по ее поддержанию. Таким образом, перспективы трансформации демографического поведения лежат не в плоскости морального увещевания или точечных финансовых мер, а в фундаментальной институциональной и культурной реформе, направленной на выравнивание гендерных обязательств в приватной сфере. До тех пор, пока матримониальная стратегия остается для женщины преимущественно стратегией управления высокими персональными рисками, ее репродуктивный потенциал будет реализовываться ограниченно и оборонительно.

Перспективы трансформации социальной ситуации в конвергенции с существующими карьерными стратегиями в условиях инерционного сценария связаны с воспроизводством гендерной профессиональной сегрегации по вертикали. Женщины будут составлять большинство высококвалифицированных специалистов в ряде отраслей, однако ключевые решения и распределение ресурсов останутся под контролем мужского доминирования в высших эшелонах власти. Возможности для трансформации стратегий могут открываться в следующих направлениях: развитие «женских» ниш в новом менеджменте; развитие цифровых платформ и проектной занятости. Это позволит создавать альтернативные карьерные траектории и достигать высоких доходов и профессионального признания вне традиционных корпоративных иерархий, что снижает значимость формального должностного статуса. В целом можно сказать, что карьерные стратегии молодых россиянок

представляют собой адаптивный компромисс между высокими амбициями в сфере материального благополучия и профессиональной самореализации и трезвым учетом структурных и нормативных ограничений, действующих в поле корпоративной власти и предпринимательства. Формируется модель «ограниченной агентности», где успех возможен, но на определенных, предзаданных условиях, исключающих полноценный доступ к инструментам стратегического контроля и собственности. Гендерный разрыв в диспозициях является не причиной, а следствием и одновременно механизмом воспроизводства вертикальной профессиональной сегрегации. Таким образом, преодоление этого разрыва требует не только работы по изменению установок женщин («повышать уверенность»), но прежде всего — деконструкции институциональных барьеров, создающих объективно более высокие издержки и меньшую отдачу от карьерных инвестиций для женщин, претендующих на вершины иерархии.

Интересный прогноз можно обозначить в сфере духовно-нравственных стратегий и связан он, прежде всего, с углублением выявленной тенденции — дальнейшей приватизацией и субъективацией духовно-нравственной сферы среди молодых женщин. Их религиозность, если она сохранится, будет принимать все более внеконфессиональные, синкретические формы, а моральные ориентиры будут черпаться из глобального культурного контекста, философии, психологии, а не из нормативных национальных или религиозных доктрин. И здесь возникают важные риски духовной трансформации общества, связанные, прежде всего, с усугублением морального и ценностного разрыва между гендерами, увеличением атомизации и утраты языка общей солидарности, возникновением идеологического вакуума и уязвимости молодых женщин. Таким образом, духовно-нравственные стратегии молодых россиянок демонстрируют наиболее отчетливый разрыв с патриархальной моделью, предлагая взамен не столько альтернативную систему ценностей, сколько альтернативный модус их существования — приватный, субъективированный и деинституционализированный. Этот разрыв является не показателем морального релятивизма или упадка, а следствием глубокого переосмысления женщинами своей позиции в структуре символической власти. Отказ от роли прихожанки, морального контролера или героини является формой сопротивления навязываемым извне сценариям идентичности, которые не соответствуют их опыту и устремлениям. Таким образом, гендерный разрыв в этой сфере указывает на фундаментальный кризис легитимности традиционных институций, ответственных за производство и поддержание морального порядка, в глазах нового поколения женщин. Будущее духовно-нравственного ландшафта будет зависеть от способности общества предложить инклюзивные, не патриархальные формы коллективного смыслопроизводства, которые смогут привлечь молодых женщин не как объектов морального регулирования, а как полноправных субъектов этического диалога.

Судя по жизненным ориентирам в сфере самосохранительного поведения, молодые женщины будут составлять более ответственную и дисциплинированную часть населения с точки зрения следования профилактическим медицинским практикам, однако их потенциал как агентов популяризации активного, «спортивного» долголетия останется нераскрытым. Их собственная мотивация к достижению экстремального долголетия будет оставаться сдержанной. Самосохранительные стратегии молодых россиянок представляют собой комплекс рациональных адаптивных практик, сформированных в условиях осознания своей специфической уязвимости и

структурной нагрузки. Их реализм в отношении долголетия является социальным диагнозом, а не личностным дефицитом. Он отражает интуитивное понимание того, что «добавленные годы жизни» в современном обществе рискуют оказаться годами дополнительной ответственности, ухода и экономической нестабильности, бремя которых распределено гендерно асимметрично. Таким образом, гендерный разрыв в диспозициях является не следствием разной биологической «программы», а индикатором различных социальных контрактов о здоровье и старости, предлагаемых мужчинам и женщинам. Сближение этих стратегий и повышение женских ожиданий потребует не пропаганды ЗОЖ, а фундаментальной социальной политики, направленной на выравнивание гендерных обязательств в сфере домашнего труда, обеспечение достойного пенсионного будущего и создание привлекательных, не сводящихся лишь к выживанию, образов женской старости.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что жизненные стратегии молодых россиянок представляют собой сложный социокультурный феномен, формирующийся на пересечении структурных ограничений, институциональных противоречий и индивидуальной рациональности. Анализ выявляет не пассивность или консерватизм, а специфическую модель адаптивной агентности, ориентированную на стратегическое управление рисками и обеспечение устойчивости в условиях ценностного плюрализма и гендерного напряжения. Ядро выявленной модели составляет рациональная калькуляция непропорционально высоких издержек, связанных с реализацией традиционных женских ролей в публичной и приватной сферах. Это приводит к формированию жизненных диспозиций, которые, с одной стороны, отражают высокие установки на материальное благополучие и самореализацию, а с другой — демонстрируют систематическое ограничение горизонта планирования в тех сегментах, где издержки и барьеры для женщин субъективно и объективно максимальны.

Таким образом, гендерные разрывы в жизненных планах выступают не как причина, а как следствие и ключевой механизм воспроизводства существующего социального порядка. Они кристаллизуют фундаментальное противоречие между модернистскими устремлениями женщин и патриархальной структурой возможностей. Перспективы трансформации данной модели лежат не в плоскости морального воздействия или точечных мер поддержки, а требуют системной дезинтеграции институциональных барьеров и пересмотра гендерного контракта, что предполагает глубокие изменения в экономической, политической и семейной сферах.

Список источников

Бочаров В. Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2. С. 113—129.

Вишневецкий Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40—55.

Гладкова И. А. Жизненные ценности и стратегии современной молодежи // Управление городом: теория и практика. 2021. № 1. С. 41—44.

Емелина Н. К., Рожкова К. В., Роцин С. Ю. Гендерный разрыв в стартовых заработных платах выпускников российских вузов // Женщина в российском обществе. 2024. № 3. С. 123—143.

Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117—127.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13—41.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186.

Осадчая Г. И., Волкова О. А., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А. Молодые женщины из Кыргызстана в московском мегаполисе // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 43—62.

Певная М. В., Телепаева Д. Ф., Гаврилик О. Н., Минченко Д. В. Женское лицо студенческого волонтерства в России и Республике Беларусь // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 77—90.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Князькова Е. А. Одиночество в семье: исследование повседневных практик молодой семьи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 58—70.

Ростовская Т. К., Давлетшина Л. А. Образовательная миграция как инструмент приумножения рабочей силы // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 3 (116). С. 347—365.

Ростовская Т. К., Синельников А. Б. Ценности брака как основа благополучия российских семей // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 6—16.

Ростовская Т. К., Ситковский А. М. Многодетная многопоколенная семья как ключевой ресурс новой долгосрочной стратегии демографического развития России // Вестник Российской академии наук. 2025. № 4. С. 63—74.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). С. 74—82.

Халикова С. С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 117—124.

Циткилов П. Я. Межпоколенная трансляция семейных ценностей: анализ социологического исследования студенческой молодежи юга России // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 35—47.

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «На других надейся, а сама не плошай». Прагматический индивидуализм как дискурсивная стратегия нормализации биографий молодых представительниц среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 173—194.

Черных Е. А., Назарова У. А., Локтюхина Н. В. Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 14—36.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2014. 352 с.

Шиняева О. В., Каманина В. Е. Семейный капитал как фактор профессионального становления молодых россиян // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 192—206.

References

Bocharov, V. Yu. (2020) Kontseptsiia balansu raboty i lichnoĭ zhizni kak osnovanie dlia tipologii strategii trudovogo povedeniia rabocheĭ molodezhi [The Concept of Work-Life Balance as a Basis for a Typology of Work Behavior Strategies of Young Workers], *Sotsial'no-trudovye issledovaniia*, no. 2, pp. 113—129.

Chernova, Zh. V., Shpakovskaya, L. L. (2020) «Na drugikh nadejsia, a sama ne ploshai». Pragmaticheskiĭ individualizm kak diskursivnaia strategiia normalizatsii biografii molodykh predstavitel'нитs srednego klassa [«Trust in Others, But Don't Be Sloppy Yourself». Pragmatic Individualism as a Discursive Strategy for Normalizing the Biographies of Young Middle-Class Women], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 173—194.

Chernykh, E. A., Nazarova, U. A., Loktyukhina, N. V. (2023) Zhenshchiny s semejnymi obiazannostiami na rossiiskom rynke truda: osobennosti trudovogo povedeniia i sovershenstvovanie politiki zaniatosti [Women with Family Responsibilities in the Russian Labor Market: Peculiarities of Work Behavior and Improving Employment Policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 14—36.

Chuprov, V. I., Zubok, Yu. A., Romanovich, N. A. (2014) Otnoshenie k sotsial'noĭ real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyĭ mekhanizm formirovaniia i vosproizvodstva [The attitude to social reality in russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction]. Moscow: Norma.

Emelina, N. K., Rozhkova, K. V., Roshchin, S. Yu. (2024) Gendernyĭ razryv v startovykh zarabotnykh platakh vypusnikov rossiiskikh vuzov [Gender gap in starting salaries of Russian university graduates], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 123—143.

Gladkova, I. A. (2021) Zhiznennye tsennosti i strategii sovremennoi molodezhi [Life values and strategies of modern youth], *Upravlenie gorodom: teoriia i praktika*, no. 1, pp. 41—44.

Khalikova, S. S. (2022) Zhiznennye strategii dal'nevostochnoi molodezhi [Life strategies of Far Eastern youth], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, no. 1, pp. 17—124.

Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. (2023) Molodye zhenshchiny iz Kyrgyzstana v moskovskom megapolise [Young women from Kyrgyzstan in the Moscow megapolis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—62.

Pevnaya, M. V., Telepaeva, D. F., Gavrilik, O. N., Minchenko, D. V. (2025) Zhenskoe litso studencheskogo volonterstva v Rossii i Respublike Belarus' [The Female face of student volunteering in Russia and the Republic of Belarus], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 77—90.

Rostovskaya, T. K., Davletshina, L. A. (2024) Obrazovatel'naia migratsiia kak instrument primnozheniia rabocheĭ sily [Educational migration as a tool for increasing the labor force], *Integratsiia obrazovaniia*, vol. 28, no. 3, pp. 347—365.

Rostovskaya, T. K., Sinelnikov, A. B. (2025) Tsennosti braka kak osnova blagopoluchiia rossiiskikh semeĭ [Marriage values as the basis for the well-being of Russian families], *Voprosy upravleniia*, vol. 19, no. 2, pp. 6—16.

Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. M. (2025) Mnogodetnaia mnogopokolennaia sem'ia kak klyuchevoi resurs novoĭ dolgosrochnoi strategii demograficheskogo razvitiia Rossii [Large multi-generational family as a key resource for the new long-term strategy for demographic development of Russia], *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, no. 4, pp. 63—74.

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. (2024) Brachnye, reproduktivnye, samosokhranitel'nye strategii chlenov studencheskikh semeĭ: po rezul'tatam glubinnogo interv'iu [Marital, reproductive, and self-preservation strategies of members of student families: based on the results of in-depth interviews], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 74—82.

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., Knyazkova, E. A. (2025) Odinochestvo v sem'e: issledovanie povsednevnykh praktik molodoĭ sem'i [Loneliness in the family: a study of everyday practices of a young family], *Nauchnyĭ rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 11, no. 1, pp. 58—70.

Shinyayeva, O. V., Kamanina, V. E. (2024) Semeinyĭ kapital kak faktor professional'nogo stanovleniia molodykh rossiian [Family capital as a factor in the professional development of young Russians], *Nauchnyĭ rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 10, no. 4, pp. 192—206.

Tsitkilov, P. Ya. (2025) Mezhpokolennaia translyatsiia semeinykh tsennosteĭ: analiz sotsiologicheskogo issledovaniia studencheskoĭ molodezhi iuga Rossii [Intergenerational transmission of family values: analysis of a sociological study of student youth in Southern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 35—47.

Vishnevsky, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Zyrianova, O. B. (2024) Matrimonial'nye i reproduktivnye ustanovki molodezhi v kontekste bezopasnosti molodoĭ sem'i [Matrimonial and reproductive attitudes of young people in the context of young family security], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 40—55.

Zhuravleva, I. A., Ivanov, R. V., Teterin, V. V. (2020) Zhiznennyye orientiry i strategii provint-sial'noy molodezhi [Life guidelines and strategies of provincial youth], *Sotsiologiya*, no. 2, pp. 117—127.

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2019) Samoregulatsiia smyslozhiznennykh tsennostey v kul'turnom prostranstve molodezhi [Self-Regulation of life purpose values in youth cultural space], *Vestnik Instituta sociologii*, vol. 10, no. 4, pp. 164—186.

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2020) Zhiznennyye strategii molodezhi: realizatsiia ozhidaniy i sotsial'nye nastroyeniya [Life strategies of young people: fulfillment of expectations and social sentiments], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 3, pp. 13—41.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 25.01.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Шапвалова Инна Сергеевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, shapovalova@bsuedu.ru (Dr.Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).

Чернышева Елена Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, chernysheva@bsuedu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).

Заводян Ирина Сергеевна — старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, zavodyan@bsuedu.ru (Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).